

Власов Сергей Васильевич

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
s.vlasov@spbu.ru

Московкин Леонид Викторович

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
l.moskovkin@spbu.ru

Категории имени и глагола в *Anfangs-Gründe der Russischen Sprache* (1731)

Для цитирования: Власов С. В., Московкин Л. В. Категории имени и глагола в *Anfangs-Gründe der Russischen Sprache* (1731). *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2021, 18 (3): 528–545. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2021.307>

Актуальность данного исследования обусловлена значимостью грамматики В. Е. Адодурова «*Anfangs-Gründe der Russischen Sprache*» как первой академической грамматики русского языка, составленной русским ученым и изданной в России. Цель статьи — показать, в чем состоят новаторство грамматических взглядов В. Е. Адодурова и преемственность его грамматики по отношению к западноевропейской и славянской грамматическим традициям в концептуальном представлении двух важнейших частей речи — имени и глагола. Материалом исследования является грамматика В. Е. Адодурова в сопоставлении с грамматиками Г. В. Лудольфа, И. В. Пауса, славянской грамматикой М. Смотрицкого, латинскими грамматиками И. Рения, Э. Копиевича, И. Ланге, «Бранденбургской грамматикой» («*Grammatica Marchica*»), немецкой грамматикой М. Шванвица. Методы исследования — описательный и сравнительный. Особенностью исследовательского подхода является учет при сравнении с «*Anfangs-Gründe...*» не только грамматик русского, церковнославянского и немецкого языков, но и грамматик латинского языка, использовавшихся в преподавании в Санкт-Петербургской академической гимназии. Результаты исследования показывают новаторство Адодурова в интерпретации ряда грамматических категорий имени и глагола: рода имен, залогов русского глагола, форм будущего и прошедшего времени, превосходной степени прилагательных и др. В его грамматике осуществлено дальнейшее упрощение схемы описания имени и глагола с учетом специфики русского языка и соображений методического характера. В статье также предлагается новая версия сотрудничества Адодурова и анонимного немецкоязычного автора замечаний на полях рукописи «*Compendium Grammaticae Russicae*», объясняющая использование Адодуровым этих замечаний в «*Anfangs-Gründe*».

Ключевые слова: история языкознания, В. Е. Адодуров, *Anfangs-Gründe der Russischen Sprache*, грамматические категории, доломоновские грамматики русского языка.

Введение

«Anfangs-Gründe der Russischen Sprache» («Первые основания русского языка»), далее — «Anfangs-Gründe» [Anfangs-Gründe]) — одна из первых русских грамматик. Напечатанная на немецком языке в качестве приложения к «Немецко-латинскому и русскому лексикону» 1731 г., она представляет собой грамматику для учащихся-немцев, начинающих изучать русский язык.

Грамматика анонимная, однако установлено, что ее автором является переводчик Петербургской академии наук Василий Евдокимович Адодуров. Его авторство определяется на основе ряда документов XVIII в.: свидетельства академика Г. Ф. Миллера [Материалы 1890: 170], отчета главного академического переводчика И. В. Пауса, составленного в 1732 г. [Winter 1958] и рапорта 1737 г. президенту Академии наук И. А. Корфу самого Адодурова [Адодуров 1737; Копелевич 1990; Compendium: 29; Костин 2016: 269]¹.

Грамматика Адодурова высоко оценивалась современниками — именно ее выбрали для публикации в Петербургской академии наук, тогда как грамматика И. В. Пауса и «Compendium grammaticae russicae» (далее — «Компендиум русской грамматики») остались в рукописи. Ее фрагменты полностью или частично воспроизводились в текстах грамматики русского языка для шведов М. Грёнинга [Успенский 1975] и в других грамматиках для иностранцев. «Anfangs-Gründe» следует считать первой академической грамматикой русского языка², составленной русским ученым и изданной в России, однако в научной литературе об этом долгое время предпочитали не говорить, называя первой русской грамматикой «Российскую грамматику» М. В. Ломоносова.

После работ Б. О. Унбегауна [Unbegaun 1958], В. Н. Макеевой [Макеева 1961] и Б. А. Успенского [Успенский 1975] «Anfangs-Gründe» начинают привлекать к себе внимание ученых, однако авторство Адодурова иногда подвергается сомнению. Так, например, Г. Кайперт, не отрицая авторства Адодурова, подчеркивает, что традиционное обозначение этой грамматики как «грамматики Адодурова» не должно пониматься в смысле исключительного и полного его авторства («im Sinne einer ausschließlichen, umfassenden Urheberschaft») [Compendium: 122]. «Anfangs-Gründe», по мнению ученого, являются коллективным трудом, который вместе с Адодуровым создавали филологи-немцы, в частности учитель немецкого языка академической гимназии Мартин Шванвиц, а также ряд неустановленных сотрудников Академии наук. Основанием для этого являются факты заимствования Адодуровым отдельных примеров и отдельных трактовок грамматических явлений из «Немецкой грамматики» Шванвица, а также из «Компендиума русской грамматики». Вопрос о том, в чем состоит оригинальность грамматики Адодурова и ее преемственность по отношению к традиции описания славянского и русского языков, требует специального рассмотрения, и этому посвящено настоящее исследование.

В работах XIX в. и в некоторых современных работах, посвященных истории грамматик русского языка, утверждается (с некоторыми оговорками или без оговорок), что Адодуров следовал в описании русского языка грамматической схеме, предложенной Мелетием Смотрицким для описания церковнославянского язы-

¹ Более подробно об авторстве «Anfangs-Gründe» см. ниже, в разделе «Дискуссия».

² Определение «академический» в сочетании «академическая грамматика» обозначает принадлежность к Санкт-Петербургской академии наук.

ка [Будилович 1869: 171; Булич 1904: 213, 324; Кузнецов 1958: 40; Карева 2014: 34]. В ряде исследований второй половины XX — начала XXI в. эта точка зрения уже подвергалась справедливой критике и пересмотру [Unbegaun 1958: 110–113; Макеева 1961: 14, 66, 71, 82, 131–132, 148, 159; Baumann 1964: 188–189; 1973: 647–650; Успенский 1975: 8; Keipert 1983: 102–121; 1992: 218–221; Daiber 1992: 131; Живов 1996: 204–209; 2017, т. 2: 1000, 1008–1011; Живов, Кайперт 1996: 17–24; и др.].

Как показали В. М. Живов и Г. Кайперт, Адодуров в значительной степени заимствовал языковой материал из предшествующих рукописных грамматик — грамматики главного переводчика Академии наук Иоганна Вернера Пауса (Паузе) и «Компендиума русской грамматики» [Живов 1996: 204–209; Живов, Кайперт 1996]. Кроме того, в тексте «Компендиума русской грамматики» имеются замечания редакторов (или рецензентов): самого Адодурова и неустановленного лица, автора замечаний на полях (глосс), написанных красными чернилами, которого Кайперт называет «красным глоссатором». Независимо от того, кто именно был «красным глоссатором», важно то, что он хорошо знал русский язык и разбирался в вопросах грамматической теории, а его замечания в дальнейшем были учтены Адодуровым при подготовке к печати «Anfangs-Gründe». Кроме указанных источников на концепцию «Anfangs-Gründe» определенное влияние оказала и «Русская грамматика» Генриха Вильгельма Лудольфа, написанная на латинском языке [Живов, Кайперт 1996]. Под влиянием указанных выше публикаций, главным образом работ Кайперта, сложилось представление о несамостоятельности, вторичности грамматики Адодурова (см., напр.: [Костин 2016]).

Однако авторы указанных работ, будучи специалистами по истории русского языка, рассматривали, прежде всего, распределение языкового материала в «Anfangs-Gründe» между церковнославянским и русским языками. Их интересовал процесс формирования нового русского литературного языка на народно-разговорной основе и роль церковнославянского языка в этом процессе. При этом намного меньше внимания уделялось грамматическим взглядам Адодурова и их отличиям от взглядов других грамматистов. Между тем отличия русского языка от церковнославянского тесно связаны и с интерпретацией присущих этим языкам грамматических явлений. Именно этот концептуальный аспект грамматики Адодурова, менее полно освещенный в научной литературе, и находится в центре внимания авторов настоящего исследования.

В основе нашей работы лежит следующее предположение: заимствования в «Anfangs-Gründe» несколько не умаляют роли Адодурова как автора этой грамматики, по-своему интерпретировавшего, часто в полемическом ключе, грамматические явления русского языка.

Цель, материал и методы исследования

Цель данной статьи — показать, в чем состоят оригинальность грамматических взглядов В. Е. Адодурова и преемственность «Anfangs-Gründe» по отношению к западноевропейской и славянской грамматическим традициям в концептуальном представлении двух важнейших частей речи — имени и глагола.

Материалом исследования являются: русская грамматика В. Е. Адодурова [Anfangs-Gründe; Адодуров 2014], славянская грамматика М. Смотрицкого 1619 г.

[Смотрицкий 2000], русская грамматика Г.В. Лудольфа [Ludolf 1696] и «славяно-русская» грамматика Э. Копиевича [Kopijewitz 1706], рукописные «славяно-русская» грамматика И. В. Пауса [Paus 2016] и «Компендиум русской грамматики» [Compendium], латинские грамматики И. Рения [Rhenius 1690], Э. Копиевича [Kopijewitz 1700], И. Ланге [Lange 1707], «Бранденбургская грамматика» [Grammatica Marchica], немецкая грамматика М. Шванвица [Schwanwitz 1730].

Методы исследования: описательный (с целью установления фактов и включения их в рамки исследования) и сравнительный (с целью определения преемственности указанных грамматик и их концептуальных различий). Особенностью исследовательского подхода является учет при сравнении с «Anfangs-Gründe» не только грамматик русского, церковнославянского и немецкого языков, но и грамматик латинского языка, использовавшихся в академической гимназии.

Результаты исследования

Имя

Грамматическое описание имен существительных и прилагательных дается во второй и третьей главах «Anfangs-Gründe». Рассмотрим главу вторую «Von dem Nominе Substantivo und Adiectivo und dem was dabey vorzukommen pflеget», в которой приводятся общие сведения об именах существительных и прилагательных.

В соответствии с устоявшейся традицией написания латинских и немецких грамматик, в том числе использовавшихся в академической гимназии «Латинско-немецкого Доната» Рения, латинской грамматики Ланге, «Бранденбургской грамматики»³ и «Немецкой грамматики» Шванвица [Rhenius 1690: 1; Lange 1707: 4–5; Grammatica Marchica: 34–35; Schwanwitz 1730: 141], Адодуров делит имена на существительные и прилагательные, а имена существительные на собственные и нарицательные. В этом состоит отличие «Anfangs-Gründe» от славянской грамматики Смотрицкого, делившего имена на собственные и нарицательные, а последние — на существительные, собирательные и прилагательные. Такую новацию можно объяснить стремлением Адодурова приблизить описание русского языка к грамматическим описаниям латинского и живых европейских языков. Несомненно, Адодуров, как и другие грамматисты его времени, полагал, что единообразное описание языков облегчает их усвоение.

Адодуров выделяет в русском языке четыре рода: Genus Masculinum, Genus Femininum, Genus Neutrum и Genus Omne. Его представления о роде восходят к славянской грамматике М. Смотрицкого, основанной помимо других источников, как показал Б. А. Дюбо, на латинской грамматике Ф. Меланхтона [Дюбо 2001], или непосредственно к латинским грамматикам, используемым в академической гимназии. Авторы многих латинских грамматик выделяли семь родов: Genus Masculinum, Genus Faemininum, Genus Neutrum, Genus Commune, Genus Omne, Genus Dubium,

³ Об учебных пособиях по латинскому языку, использовавшихся в 1730-е гг. и ранее в академической гимназии, см. работы [Keipert 1986; 1994; Кирикова, Костина 2018]. Мы выбрали для ссылки полный вариант «Бранденбургской грамматики», ее сокращенный вариант (Compendium grammaticae Latinae, oder kurzer Auszug aus der grössern Lateinischen Grammatica Marchica, zur Erlernung der Lateinischen Sprache. Berlin, 1716) также использовался в академической гимназии [Keipert 1994: 123–124].

Genus Epicaenum (см., напр.: [Копи́евич 1700: 18; Lange 1707: 5]. В грамматике Смотрицкого описываются те же семь родов: мужской, женский, средний, общий, всякий, недоуменный, преобщий [Смотрицкий 2000: 162]. Те же семь родов выделяются в русском языке в грамматике Пауса [Paus 2016: 99–102] и вслед за Паусом в «Компендиуме русской грамматики» [Compendium: 139–142].

Несомненно, Адодуров, сокративший количество родов до четырех, в интерпретации категории рода имен был более оригинален, чем его коллеги по Академии наук Паус и Шванвиц. Впрочем, идея упрощения классического семичленного состава категории рода имен принадлежала не ему. Пять родов выделяются в латинской грамматике Рения [Rhenius 1690: 2] и в «Бранденбургской грамматике» [Grammatica Marchica: 57], четыре рода в грамматиках Лудольфа и Копиевича. Таким образом, упрощая категорию рода, Адодуров мог опираться и на уже известный ему опыт пересмотра взглядов грамматистов на данную категорию, в том числе авторов учебников латинского и русского языков.

Однако содержание четырехчленной категории рода в «Anfangs-Gründe» отличается от содержания категории рода в грамматиках Лудольфа и Копиевича, которые выделяли в русском языке Genus Masculinum, Genus Foemininum, Genus Neutrum и Genus Commune (общий род), причем Лудольф особо подчеркивал, что Genus Omne в русском языке отсутствует [Ludolf 1696: 12; Копи́евич 1707: 30–31].

В четырехчленной категории рода в «Anfangs-Gründe», напротив, отсутствует Genus Commune, вместо него введен Genus Omne, и Адодуров обосновывает этот выбор, утверждая, что Genus Commune, Genus Dubium и Genus Epicaenum «не приняты в русском языке», так как они не соответствуют его специфике: «хотя там и существуют имена существительные, которые могут обозначать оба пола, но с грамматической точки зрения (grammaticaliter) они сочетаются с тем родом прилагательного, которого требуют в соответствии со своим окончанием. Так, не говорят *свидѣтель праведная* и *лошадь хорошійи*, а всегда говорят *свидѣтель праведный* и *лошадь хорошая*, несмотря на то, что слова *свидѣтель* и *лошадь* могут быть здесь отнесены и к мужскому, и к женскому полу» [Адодуров 2014: 109] (пер. Л. Н. Григорьевой). Адодуров, вероятно, при этом имел в виду, что в грамматике Смотрицкого, а затем и в грамматиках Копиевича, Пауса и в «Компендиуме русской грамматики» слово *свидѣтель* отнесено к общему роду, очевидно, путем перевода латинского слова *testis*, приводимого в качестве примера на общий род в латинских грамматиках [Копи́евич 1707: 26; Paus 2016: 100; Compendium: 172].

В составе грамматической категории оставались четыре рода, и среди них Genus Omne. В латинской грамматике Genus Omne имели прилагательные одного окончания (например, *felix*, *potens*, *prudens*, *sapiens*) [Копи́евич 1700: 18; Lange 1707: 33; Grammatica marchica: 57, 72]. В грамматике Смотрицкого он выделялся как «всякий род», который также связывается с прилагательными одного окончания (в качестве примера приводилось краткое прилагательное *исполнѣ*) [Смотрицкий 2000: 162]. По Адодурову же к *Genus Omne*⁴ в русском языке относятся все прилагательные во множественном числе, так как они имеют одинаковые окончания *-ые (-іе)* или *-ыя (-ія)* для всех трех родов (*добрые* или *добрыя*, *новые* или *новыя*, *свѣжіе* или *свѣжія*)

⁴ В последнем издании «Anfangs-Gründe» этот термин латинской грамматики ошибочно переводится как «общий род» [Адодуров 2014: 109, 111]. Таким образом, исчезает концептуальное различие между «общим родом» (Genus Commune) и «всяким родом» (Genus Omne).

[Anfangs-Gründe: 11], существительные, употребляющиеся только во множественном числе (*pluralia tantum*), например *штаны* (*die Hosen*) и *вилы* (*die Mistgabel*), а также названия чисел от трех до ста [Anfangs-Gründe: 10]⁵. Выделение в русском языке четырех, а не семи родов, включая *Genus Omne* (всякий род) вместо *Genus Commune* (общего рода), также можно считать лингвистической новацией Адодурова⁶.

Адодуров более решительно, чем Лудольф и Паус, удаляет из русской грамматики двойственное число и отмечает в третьей главе, что количественные числительные *два, три, четыре* управляют родительным падежом в единственном числе *два пона, три колодезя, четыре лошади* [Anfangs-Gründe: 32], скрыто полемизируя с Лудольфом, который писал, что эти числительные управляют существительными в двойственном числе: *два пона, три пона, четыре пона* [Ludolf 1696: 13].

Еще одна лингвистическая новация Адодурова — его объяснение употребления в русском языке форм прилагательных *доброи* вместо *добрыи, высокои* вместо *высокии*. По мнению Адодурова, здесь употребляется дат. п. ед. ч. ж. р. вместо им. п. ед. ч. м. р. Интересно отметить, что формы прилагательных м. р. им. п. ед. ч. на *-ой* являются, по Адодурову, просто более употребительными, они стилистически не маркированы по сравнению с менее употребительными формами на *-ый*, которые Адодуров не считал только славянскими, в отличие от Пауса [Paus 2016: 155], поддерживая мнение «красного глоссатора» «Компендиума русской грамматики» о том, что окончание *-ой* м. р. им. п. употребляется и на письме [Compendium: 177]. Несмотря на декларируемую установку на описание русского, а не славянского языка, Адодуров опасается, по словам Живова, «превысить меру допустимого ригоризма» [Живов 1996: 210] и учитывает книжную традицию, отмечая реальные колебания в узусе и типографской практике петровского времени.

Рассматривая степени сравнения прилагательных, Адодуров отмечает, что в русском языке, в отличие от славянского, отсутствует сравнительная степень, вместо нее используется наречие в сравнительной степени. Как показал Кайперт, это замечание Адодурова восходит к глоссе редактора «Компендиума русской грамматики», возражавшего против выделения в русском языке сравнительной степени прилагательных [Compendium: 178].

По Адодурову, превосходная степень образуется следующими способами: 1) с помощью суффикса («окончания» — *Endung*) (*святѣи — святѣишии*); 2) с помощью приставок (частиц — *Particulas*) *все-* и *пре-* (*пречестньи, всечестньи*), то же и в «Компендиуме русской грамматики» [Compendium: 179]; у Пауса упоминается вслед за Смотрицким только «частица» *пре-* [Paus 2016: 97]; 3) возможен также комбинированный способ (*всепречестньи, всепречестньишии*); 4) с помощью

⁵ Кайперт, доказывая зависимость грамматики Адодурова от «Немецкой грамматики» Шванвица, отметил, что существительное *Hosen* (*штаны*) уже было отнесено Шванвицем к *pluralia tantum* [Keipert 1983: 104]. Однако здесь важен не факт заимствования Адодуровым у Шванвица одного примера на *pluralia tantum*, а его концептуальная трактовка как примера существительных «всякого рода», отсутствующих в «Немецкой грамматике» Шванвица, выделявшего в немецком языке всего три рода.

⁶ Анализируя учение о роде в доломосовских грамматиках, Кайперт [Keipert 1992: 218–221] указывает на зависимость Адодурова от «красного глоссатора» в вопросе сокращения числа родов, но при этом не обращает внимания ни на оригинальность Адодурова в трактовке всякого рода (*Genus Omne*) и принципиальные отличия «Anfangs-Gründe» от грамматики Лудольфа в интерпретации общего и всякого родов, ни на общую тенденцию сокращения родов в латинских грамматиках, важном источнике взглядов на род имен существительных и Адодурова, и «красного глоссатора».

прилагательного *самый* (*самый чистый*), то же и в глоссе редактора «Компендиума русской грамматики» [Compendium: 179]; у Пауса указано «местоимение» *само: самочисто, самодобръ* [Paus 2016: 97]; 5) с помощью приставки («частицы» — *Particula*) *наи-*, прибавляемой к превосходной степени (*наикратчайшии*), то же и в глоссе редактора «Компендиума русской грамматики» [Compendium: 179].

Таким образом, Адодуров выделил, дополнив Пауса и учитывая замечания редактора «Компендиума русской грамматики», новые способы образования степеней сравнения в русском языке в отличие от церковнославянского языка, в котором имелись и три степени сравнения прилагательного (*святый, святииши, святеишии*), и три степени сравнения наречия (*крѣпко, крѣпчае, крѣпчаишии*) [Смотрицкий 2000: 158, 383].

Во второй главе «Anfangs-Gründe» Адодуров, как и Смотрицкий, описывает семь падежей: именительный, родительный, дательный, винительный, звательный, творительный, сказательный. В грамматиках Лудольфа, Копиевича, Пауса и в «Компендиуме русской грамматики» также представлены семь падежей. Отличаются же все эти описания названиями двух последних падежей. У Смотрицкого это творительный и сказательный, у Лудольфа — Ablativus Instrumentalis и Ablativus, у Копиевича — творительный и сказательный с их латинскими аналогами Ablativus и Indicativus, у Пауса — Instrumentalis и Obiectivus, в «Компендиуме русской грамматики» — Instrumentalis и Narrativus (Localis), у Адодурова — Instrumentalis и Narrativus (или Obiectivus). Несомненно, Instrumentalis и Narrativus Адодурова в большей степени соответствуют творительному и сказательному падежам Смотрицкого. Название же Obiectivus заимствовано им из грамматики Пауса.

В третьей главе, которая называется «Von denen Declinationen», даны примеры пяти склонений. Здесь Адодуров, как и авторы других грамматик (Лудольф, Копиевич, Паус и авторы «Компендиума русской грамматики»), также следует традиции Смотрицкого, полностью воспринимая его взгляды на систему склонений. Вместе с тем, в «Anfangs-Gründe» включены и выдержки из латинских грамматик, например в конце раздела, посвященного четвертому склонению, обсуждаются русские окончания различных латинских имен собственных [Anfangs-Gründe: 27–28].

Отличия в описании Адодуровым системы склонений касаются, главным образом, примеров, привлекаемых им в объяснениях и парадигмах, — они почти не совпадают с примерами Смотрицкого (кроме *рука, отроча и заповедь*). Примеры Адодурова — в основном слова обиходного русского языка, а примеры Смотрицкого — слова, характерные для высокого стиля. Так, у Смотрицкого в первом склонении даются формы слова *дева*, а у Адодурова — формы слова *дѣвка*. Мало совпадений и с примерами из других указанных грамматик.

Как видим, Адодуров модернизировал описание нового литературного языка. Создавая «Anfangs-Gründe», он шел по пути упрощения грамматической теории, что могло быть вызвано, с одной стороны, методическими причинами (его грамматика создавалась для начального изучения русского языка), а с другой стороны, лингвистическими, т. е. учетом специфики русского языка.

Примером такого упрощения можно считать также и то, что Адодуров не рассматривает описанные Смотрицким виды имени (первообразный и производный) и его начертания (простое, сложенное и пресложенное). Вместо вида он так же, как Паус и авторы «Компендиума русской грамматики», заимствует из латинских

грамматик другую важную словообразовательную характеристику (акциденцию) имени, отсутствующую у Смотрицкого, — *motio* (движение) (см., напр.: [Lange 1707: 9; Grammatica Marchica: 37–38], которая объяснялась как переход существительных мужского рода в существительные женского рода. Ряд примеров на *motio* в «Anfangs-Gründe», как у Пауса и авторов «Компендиума русской грамматики», копирующих Пауса, представляет собой перевод на русский язык аналогичных латинских примеров из грамматики Ланге. Примеры Ланге: *Dominus* — *Domina* (господин — госпожа), *Rex* — *Regina* (король — королева), *Leo* — *Leaena* (лев — львица), *Hospes* — *Hospita* (хозяин — хозяйка) (Lange 1707: 9), примеры Адодунова: *королева, госпожа, хозяйка, львица, повариха, богиня, хвастунья, генеральша, графиня* [Anfangs-Gründe: 9] (ср.: [Paus 2016: 87–91; Compendium: 176])⁷.

Глагол

Глаголу посвящена пятая глава «Anfangs-Gründe» — «Von dem Verbo» (с. 37–44). Сначала в ней даются общие сведения о делении глаголов на личные (*verbum personale*), спрягающиеся во всех трех лицах единственного и множественного числа (*читаю, читаешь, читаетъ, читаемъ, читаете, читаютъ*), и безличные (*verbum impersonale*). Безличные глаголы, по мнению автора, часто не имеют в обоих числах первого и второго лица, а иногда и третьего лица множественного числа (*надлежитъ, подобаетъ*) [Адодунов 2014: 165]. Это определение имплицитно предполагает отнесение к безличным глаголам не только собственно безличных глаголов, но и личных глаголов в неопределенно-личном употреблении, как в латинской грамматике (например, *dicitur* — *говорят*).

Эта классификация глаголов оказывается менее сложной, чем у Смотрицкого, в грамматике которого к данному делению глаголов было добавлено также деление глаголов на неправильные («стропотные») и недостаточные («лишаемые») [Смотрицкий 2000: 284]. В дальнейшем изложении Адодунов рассматривает в первую очередь спряжение правильных глаголов (*Verba Regularia*).

Начало описания глаголов Адодунов мог заимствовать из «Латино-немецкого Доната» Рения или из «Grammatica Marchica», в которых все глаголы разделены прежде всего на личные и безличные и в качестве безличного глагола приводится *oportet* («надлежит») [Rhenius 1690: 107; Grammatica Marchica: 251], что в точности совпадает с началом главы о глаголе у Адодунова [Anfangs-Gründe: 37–38]. То же деление глаголов дается и в «Немецкой грамматике» Шванвица, не отличающейся оригинальностью в данном вопросе [Schwanwitz 1730: 210–211], но примеры на безличные глаголы у Шванвица совершенно иные, восходящие, по всей видимости, к другим немецким или латинским грамматикам: «*man saget, говорятъ, es regnet, дождь идетъ, es wird geschrieben, пишутъ*» [Schwanwitz 1730: 213], ср. латинские

⁷ Адодунов, заимствуя, вслед за «красным глоссатором», другие примеры у Пауса, исправляет ошибочную форму женского рода *генералина*, навеянную переводом с немецкого *die Generalin* [Paus 2016: 87]), форму *генералиша* в «Компендиуме русской грамматики» на *генеральша* и форму *хозяйка* у «красного глоссатора» [Compendium: 176] — на *хозяйка*. В этих исправлениях Адодунова мы видим не просто заимствование Адодуновым примеров у Пауса или авторов «Компендиума», но еще и скрытую полемику со своими коллегами по академии наук — желание указать на ошибку Пауса в форме русского слова, устаревшее написание мягкого согласного Г без мягкого знака в «Компендиуме русской грамматики» или на ошибку в слове *хозяйка* у «красного глоссатора».

эквиваленты этих примеров: *dicitur, pluit, scribitur*. Можно полагать, что представления Адодуrowa и Шванвица о делении глаголов на личные и безличные восходят к общему источнику.

В составе личных глаголов в грамматике Смотрицкого различаются «существительный» (*есть*), «звателные» (*именуюся, нарицаюся, зовуся, прозываюся, гл[агол]юся*) и «прилагательные» (все прочие глаголы) [Смотрицкий 2000: 285]. Адодуrow же выделяет только глагол существительный (*Verbum Substantiuum*) *быть*, причем этот глагол, как и глагол *имѣть*, может в русском языке выступать в качестве вспомогательного (*Verba Auxiliaria*) для образования будущего времени [Anfangs-Gründe: 40].

Упрощая грамматическое описание глаголов, Адодуrow отказывается также от предложенного Смотрицким разделения личных глаголов на «переходительные» (т. е. переходные) (*люблю, творю*) и «самостоятельные» (т. е. непереходные) (*стою, сѣжу, сплю*) [Смотрицкий 2000: 285].

Вместе с тем, Адодуrow выделяет четыре рода глаголов (*Genera Verborum*), или, по Смотрицкому, залога глаголов: 1) действительный глагол (*Actiuum*), когда глагол имеет значение действия (*читаю*), 2) страдательный (*Passiuum*), когда глагол выражает страдание, или претерпевание действия (*читаюся*), 3) средний (*Neutrum*), когда глагол не выражает ни действие, ни страдание (*стою, сѣжу*), и 4) отложительный (*Deprensus*), когда при окончании страдательного залога *-ся* глагол имеет значение действительного или среднего залога (*боюся, сержуся*) [Anfangs-Gründe: 38] (ср.: [Смотрицкий 2000: 286]: *тружуся*). В грамматике Смотрицкого к этим четырем залогам, но с другими примерами, был добавлен также пятый «общий» залог, в котором глагол при окончании страдательного залога (на *-ся*) имеет значение действительного и страдательного залога «вкупе» (*касаюся*) [Смотрицкий 2000: 286].

В этом случае Адодуrow следует не за Смотрицким или Шванвицем, а за латинскими грамматиками Рения и Ланге, а также за «*Grammatica Marchica*», в которых глаголы тоже делятся не на пять, а на те же четыре рода (залога), что и у Адодуrowa [Rhenius 1690: 107–108; Lange 1707: 50; *Grammatica Marchica*: 252–258]. Шванвиц оказывается еще более радикален, чем Адодуrow: в отличие от «Anfangs-Gründe» в «Немецкой грамматике» Шванвица указаны только три первых рода (залога) глагола, отложительные глаголы у Шванвица отсутствуют (Schwanwitz 1730: 212–213).

Деление глаголов в «Anfangs-Gründe» на *Primitiua* (простые) и *Deriuativa* (производные), а последних — на *Inchoatiua* (начинательные) и *Frequentatiua* (учащательные) восходит к грамматике Смотрицкого. В «*Grammatica Marchica*» деление производных глаголов более дробное, чем у Смотрицкого и Адодуrowa: *Inchoativa*, *Frequentativa*, *Desiderativa* и *Deminutiva* [*Grammatica Marchica*: 258].

При этом Адодуrow не употребляет термины «вид» (*species*) и «начертание» (*figura*) греко-латинской грамматической традиции для характеристики этих глаголов. Развивая замечание Лудольфа о выражении фреквентативными (учащательными) глаголами неопределенного действия (*quando de actione indeterminata loquuntur*) [Ludolf 1696: 26], он указывает на то, что учащательные и начинательные глаголы употребляются, когда речь идет о незаконченном действии.

Если в грамматике Лудольфа делению глаголов на простые и производные придается важное значение, так как Лудольф начинает описание русских глаголов именно с этой словообразовательной характеристики глагола и дает целый ряд

конкретных примеров, то в грамматике Адодурова данные разновидности глагола никак особо не выделяются в общем ряду других классификационных разрядов. Более того, Адодуров не приводит для иллюстрации ни одного конкретного глагола, указывая только на окончание *-тью* начинательных глаголов и окончания *-аю* или *-яю* учащательных глаголов в настоящем времени.

Правильные глаголы в русской, как и в славянской, грамматике имеют, по Адодурову, только два спряжения — к первому спряжению относятся глаголы, оканчивающиеся в инфинитиве на различные гласные, кроме *-и* (*дѣлать, потѣть, стѣять, тянуть*), а ко второму — глаголы, оканчивающиеся на *-и* (*вѣрить*) [Anfangs-Gründe: 38]. Здесь он следует за Смотрицким и Лудольфом. В качестве образца второго спряжения у Адодурова, как и у Лудольфа [Ludolf 1696: 31–32], выступает глагол *вѣрить* [Anfangs-Gründe: 43–44], а в качестве образца первого спряжения приводится парадигма спряжения глагола *дѣлать* [Anfangs-Gründe: 42–43], тогда как у Лудольфа — спряжение глагола *здѣлать* [Ludolf 1696: 29–31] (подробнее см. ниже). Формы инфинитива на *-ти* не учитываются Адодуровым.

Наклонений в русском языке Адодуров выделяет только три: *Indicativus* (изъявительное), *Imperativus* (повелительное) и *Infinitivus* (неопределенное), в отличие от Смотрицкого, который добавлял в своей славянской грамматике еще два наклонения — молитвенное и сослагательное. Свойственное другим языкам сослагательное наклонение (*Conjunctivus*), выражающее желание или условие, в русском языке, по мнению Адодурова, который следует здесь за Лудольфом, отсутствует и выражается прошедшим временем изъявительного наклонения с добавлением слова «бы» «когда бы мнѣ можно было, я бы конечно пришоль» [Anfangs-Gründe: 39–40] (ср. Ludolf 1696: 28)]. Те же три наклонения русского глагола выделял и Паус [Paus 2016: 259].

В отличие от славянского языка, в котором Смотрицкий различал шесть времен в подражание греческой грамматике: настоящее *бѣю, бѣюся*, преходящее *бихъ, бихся*, прешедшее *бѣяхъся* (под двумя последними временами имеются в виду соответственно *Imperfectum* и *Perfectum* в латинской терминологии), мимошедшее *бѣяхъ, бѣяхся* — *Plusquamperfectum*, непередельное (аорист, или *Praeteritum Indefinitum*) *побихся* и будущее *побѣю, побѣюся* — Адодуров выделяет в русском языке вслед за Лудольфом только три времени: настоящее (*Praesens*), прошедшее (*Praeteritum*) и будущее (*Futurum*) [Anfangs-Gründe: 38].

Русские глаголы не имеют, как он полагает, ни имперфекта, ни плюсквамперфекта. При необходимости значение этих времен выражается добавлением к прошедшему времени наречия *недавно* (*я недавно читалъ — ich las*) или наречия *давно* (*я давно читалъ — ich hatte gelesen*) [Anfangs-Gründe: 39]. Трактовка Адодуровым значения имперфекта и плюсквамперфекта через наречия *недавно* и *давно* может восходить как к «Немецкой грамматике» Шванвица [Keipert 1983: 106; Живов 1992: 266], так и к латинским грамматикам начала XVIII в. [Живов 2004: 147; Rönkä 2005: 145]. Основанием для возведения к «Немецкой грамматике» Шванвица служит только перевод Шванвицем немецкого плюсквамперфекта *ich hatte gelobet* в парадигмах спряжения как *я давно хвалилъ* [Schwanwitz 1730: 339]. Мы полагаем, что Адодуров вряд ли ориентировался в этом вопросе, как и во многих других, исключительно на «Немецкую грамматику» Шванвица, тем более что Шванвиц дает при переводе форм немецкого имперфекта и плюсквамперфекта одинаковые итератив-

ные формы русского глагола: *ich liebete, я любливалъ, lobete, хваливалъ; ich hatte gelobet, я хваливалъ* [Schwanwitz 1730: 217], — отсутствующие в парадигмах спряжения русских глаголов у Адодурова.

Особый интерес представляет собой развернутое описание Адодуровым образования будущего времени в русском языке. По Адодурову, будущее время выражается добавлением к инфинитиву глаголов *буду, стану, имъю* (*буду писать, стану писать, имъю писать*) или добавлением частиц (т.е. приставок) *по-* и *на-* к настоящему времени глагола: *пойду* (от *иду*), *налью* (от *лью*). По сути, будущих времен в русском языке выделяется два: описательное (аналитическое) с вспомогательными глаголами *буду, стану, имъю* и синтетическое с приставками *по-* и *на-*.

Паус в своей «славяно-русской грамматике» также выделял, вслед за Смотрицким, синтетическое будущее время (*свяжу, возлюблю; поберу, сберу, поведу, приведу*) [Paus 2016: 261, 300] и упоминал, но не в основной парадигме спряжения, а в виде примечания об аналитическом будущем в русском языке со вспомогательными глаголами *стану* или *буду* (*я стану* или *буду брать, вести*) [Paus 2016: 300]. Адодуров ориентировался здесь, как и Паус в своем примечании, на Лудольфа. Хотя Адодуров, как и Паус, рассматривает синтетическое будущее, он не вводит его, в отличие от Пауса, в парадигмы спряжения глаголов.

Введение Адодуровым вслед за Лудольфом аналитического будущего с вспомогательными глаголами в основную парадигму спряжения русского глагола, возможно, связано с переносом в русскую грамматику способа образования будущего времени в немецком языке: аналитическое будущее (*я буду делать* у Адодурова (а не *буду сдѣлать*, как ошибочно у Лудольфа)) соответствует немецкому будущему *Ich werde tun*.

Аналитического будущего не было ни в греческом, ни в латинском языках, нет его и в славянской грамматике Смотрицкого, в которой рассматривается только синтетическое будущее, отсутствующее у Лудольфа. В русскую грамматику Адодурова это будущее все же вводится, наряду с аналитическим, но как бы попутно. В немецком такого будущего нет, но есть, по Шванвицу, аналитическое второе будущее со сложной формой инфинитива (инфинитив II): *ich werde geliebet haben, я буду любить* [Schwanwitz 1730: 219].

Тем не менее, исправляя Лудольфа, Адодуров делает целый ряд важных и самостоятельных наблюдений. По Адодурову, у сложных (производных) глаголов (*verba composita*) на *-нуть, -овать* или *-нять* будущее время образуется как настоящее от простых глаголов: *нагну, изтолкую, поствю* [Anfangs-Gründe: 39]. От глагола *ночевать* и всех его производных настоящее и будущее время совпадают (*ночую*). От сложных глаголов типа *списать* будущее время образуется обоими способами (синтетически и аналитически): *спишу* или *буду списывать*. Сохраняя синтетическое будущее, Адодуров сохраняет тем самым преемственную связь с латинскими и славянскими грамматиками.

Любопытно отметить, что далее Адодуров ограничивает будущее время от глагола *дѣлать* аналитической формой *буду дѣлать*, а прошедшее время — формой *дѣлалъ* [Anfangs-Gründe: 43], формы же *сдѣлаю* в будущем времени и *сдѣлалъ* в прошедшем времени им не приводятся, так как, очевидно, считаются формами другого — сложного — глагола *сдѣлать*. При этом Адодуров, как мы уже сказали, исправляет неправильные примеры употребления временных форм глагола

сдѣлать у Лудольфа. Так, Лудольф в качестве примера на употребление настоящего времени приводил форму *здѣлаю* вместо правильной формы *дѣлаю*, а в будущем времени — неправильную форму *буду сдѣлать* вместо правильной формы *буду дѣлать* [Ludolf 1696: 27]. Для Адодурова формы *дѣлать* и *сдѣлать* — это разные глаголы (простой и сложный).

Введение понятия глагольного вида в грамматиках русского языка XIX в. вместо старинных понятий «вида» и «начертания» как словообразовательных категорий позволило грамматистам удержать, вслед за Лудольфом и Адодуровым, простую схему трех времен русского глагола, включающую только одно, а не семь прошедших времен, как у Ломоносова. Отметим, что подобная схема трех времен русского глагола содержится также в «Новой российской грамматике» 1788 г., в которой впервые в отечественной грамматической традиции появляется понятие глагольного вида как характеристики форм одного глагола [Новая российская грамматика: 55–56].

Анализ грамматического описания глагола в «Anfangs-Gründe» показал, что Адодуров значительно упростил и приспособил к обиходному русскому языку, вслед за Лудольфом, схему описания глагола в грамматике Смотрицкого. В описании времен русского глагола Адодуров следует не за Смотрицким, а за Лудольфом, исправляя ошибки Лудольфа и добавляя некоторые особенности спряжения глаголов в будущем времени, отсутствующие у Лудольфа.

Дискуссия

Появившееся в одной из ранних работ А. С. Будиловича утверждение о том, что Адодуров описывал русский язык по грамматической схеме, предложенной Смотрицким для описания церковнославянского языка [Будилович 1869: 171], разделяемое затем многими учеными, не соответствует реальной картине творческого преобразования Адодуровым этой схемы. Адодуров заимствовал у Смотрицкого систему падежей и склонений, а также интерпретацию ряда глагольных категорий, но при этом опирался и на другие источники.

Равным образом не является основным источником «Anfangs-Gründe» в схеме грамматического описания имени и глагола рукописная грамматика Пауса, из которой Адодуров, тем не менее, заимствовал ряд грамматических примеров. Также не имеется серьезных оснований для утверждений, что грамматика Адодурова основана на «Компендиуме русской грамматики» или «Компендиум» на грамматике Адодурова, либо что обе грамматики являются плодом коллективного труда их авторов. Скорее всего, имеющиеся совпадения обусловлены наличием общих для них источников, среди которых наряду с грамматикой Смотрицкого следует выделить латинские грамматики для немецких учащихся, бывшие в употреблении в 1720-х гг. в Санкт-Петербургской академической гимназии, — грамматики Рения и Ланге, а также «Grammatica Marchica». Значение этих источников подтверждается как данными нашего анализа, так и бытовавшим в XVIII в. мнением о том, что «Anfangs-Gründe» первоначально были составлены на латыни и только потом переведены на немецкий язык⁸ [Краткие правила: 5–6].

⁸ Автор «Кратких правил Российской грамматики» пишет следующее: «Я, повинуюсь приказанію Господь Начальствующихъ, выбралъ самыя необходимыя правила, а особливо изъ

Не должны вызывать удивление и совпадения отдельных черт и примеров русской грамматики Адодурова с «Немецкой грамматикой» Шванвица 1730 г. Поскольку «Anfangs-Gründe» были написаны для немецких учащихся, ранее изучавших немецкую грамматику, Адодуров учитывал и труд Шванвица, чтобы обеспечить перенос грамматических знаний на русский язык и таким образом облегчить учащимся усвоение русской грамматики (ср.: [Keipert 1983]).

Еще одним источником «Anfangs-Gründe» были замечания, написанные на полях «Компендиума русской грамматики» «красным глоссатором», неносителем русского языка, хорошо знавшим русский язык и исправлявшим ошибки в русском языке с позиций грамматики Пауса. По почерку было установлено, что это был не Паус [Compendium: 18]. Версия о том, что это мог быть И. Д. Шумахер, выдвинутая Кайпертом [Compendium: 18–19], весьма сомнительна, так как Шумахер плохо владел русским языком и не сохранилось каких-либо сведений о том, что он разбирался в вопросах грамматической теории. В большей степени вероятно, что «красным глоссатором» мог быть Миллер, который руководил канцелярией Академии наук в отсутствие Шумахера в конце 1729 — первой половине 1730 г. С самого начала своей деятельности в Императорской академии наук он изучал русский язык, чтобы принимать участие в редактировании переводов с немецкого языка на русский для «Санкт-Петербургских ведомостей», и славянскую грамматику, чтобы читать древнерусские летописи.

Миллер мог познакомиться с рукописной славяно-русской грамматикой Пауса, отданной в канцелярию для переписывания набело в конце 1729 г. [Материалы 1885: 592]. Кроме того, он мог организовать «освидетельствование» «Компендиума русской грамматики», которое должно было состояться не ранее декабря 1729 и не позднее июля 1730 г., так как 2 августа 1730 г. он выехал за границу и вернулся только в 1732 г. Пример в первой части «Компендиума русской грамматики», в котором фигурирует цифра 1731, написанная также кириллическими и латинскими буквами, примеры из второй части «въ 1731^м году» и «въ 1731 годѣ», приводимые Кайпертом при датировке рукописи 1731-м годом [Compendium: 11, 156, 188], в таком случае отсылают не ко времени написания «Компендиума», а ко времени его предполагавшейся, но так и не осуществленной публикации.

Однако «красный глоссатор», неноситель русского языка, даже если им был Миллер, вряд ли мог самостоятельно делать тонкие замечания по вопросам русской грамматики. Так как многие «красные глоссы» совпадают с текстом «Anfangs-Gründe», то они или были заимствованы уже из готовой грамматики Адодурова, или возникли в результате консультаций Миллера с Адодуровым и внесены в окончательный текст «Anfangs-Gründe» уже после отъезда Миллера за границу.

Таким образом, «Anfangs-Gründe» представляют собой, с одной стороны, компилятивный труд, вобравший в себя все то лучшее, что мог охватить Адодуров, а с другой стороны, труд, содержащий ряд оригинальных трактовок грамматических категорий имени и глагола, что характеризует Адодурова как весьма одаренного ученого.

Грамматики Господина Ломоносова, и изъ начальныхъ основаній Российской Грамматики, находящихся при Вейсманновомъ Немецкомъ Лексиконѣ, сочиненныхъ прежде на латинскомъ языкѣ однимъ знаменитымъ изъ ученнѣйшихъ Россіянъ, науками просвѣщеннымъ и добродѣтельно украшеннымъ мужемъ» [Краткие правила: 5–6].

Выводы

1. При создании «Anfangs-Gründe» Адодуров провел анализ существующих в его время грамматических идей и выделил из них идеи, лучше всего отражающие особенности русского литературного языка, формирующегося на народно-разговорной основе. В дальнейшем в своей грамматике он осуществил синтез этих идей, руководствуясь не только лингвистическими, но и методическими соображениями.

2. Среди источников «Anfangs-Gründe» следует выделять не только грамматики Смотрицкого, Лудольфа, Копиевича, Пауса и Шванвица, замечания «красного глоссатора» на полях «Компендиума русской грамматики», но также и латинские грамматики для немецких учащихся, использовавшиеся в академической гимназии. Грамматика Адодурова составлена, как и указанные выше грамматики, с использованием методики переноса концептуальных схем грамматик латинского языка (а не только и не столько немецкого) и перевода латинских и немецких примеров на русский язык.

3. Анализ «Anfangs-Gründe» показывает, что их автор был не только компилятором грамматических идей, но и автором ряда грамматических инноваций. К ним, прежде всего, относятся его интерпретации рода имен, залогов русского глагола, форм будущего и прошедшего времен. Версия о несамостоятельности, вторичности «Anfangs-Gründe» нуждается в пересмотре.

Источники

- Адодуров 1737 — Адодуров В. Е. *Репорт президенту Академии Корфу*. 1737 г. Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Фонд 3. Опись 1. Ед. хр. № 860. Л. 24–25, 35 об. — 36.
- Адодуров 2014 — *Василий Евдокимович Адодуров. «Anfangs-Gründe der Russischen Sprache» или «Первые основания российского языка»*. К. А. Филиппов, С. С. Волков (отв. ред.). СПб.: Наука, Нестор-История, 2014. 253 с.
- Краткие правила — *Краткие правила российской грамматики, собранные из разных российских грамматик: в пользу обучающегося юношества в гимназиях Императорского московского университета*. М.: тип. Моск. ун-та, 1773. 103 с.
- Материалы 1885 — *Материалы для истории Императорской академии наук*. Т. 1. СПб.: Тип. Императорской акад. наук, 1885. 732 с.
- Материалы 1890 — *Материалы для истории Императорской академии наук*. Т. 6. СПб.: Тип. Императорской акад. наук, 1890. 636 с.
- Новая российская грамматика — *Новая российская грамматика. Nouvelle Grammaire Russe*. СПб., б. г. [1788], б. и. 96 с.
- Смотрицкий 2000 — Смотрицкий М. Грамматики славенския правильное синтагма. В кн.: *Грамматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого*. Кузьминова Е. А. (сост.). М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2000. С. 129–470.
- Anfangs-Gründe — *Teutsch-Lateinisch- und Russisches Lexicon, samt denen Anfangs-Gründen der Russischen Sprache*. St. Petersburg: Gedr. in der Kaysrl. Acad. der Wissenschaften Buchdruckerey, 1731. 48 S.
- Compendium — *Compendium Grammaticae Russicae (1731). Die erste Akademie-Grammatik der russischen Sprache*. Von H. Keipert in Verbindung mit A. Huterer (Hrsg.). München: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, 2002. 219 S.
- Grammatica Marchica — *Vollständigere lateinische Grammatica Marchica*. Berlin: Johann Christoph Pape, 1718. 920 S.
- Kopijewitz 1700 — Kopijewitz E. *Latina grammatica in usum scholarum celeberrimae gentis sclavonico-rosaeanae adornata*. Amslelodami [Amsterdam]: [-], 1700. 514 p.

- Kopijewitz 1706 — Kopijewitz E. *Manuductio in grammaticam in sclavonico Rosseanam seu Moscoviticam*. Stolzenberg: Ch.Ph. Goltzius, 1706. 84 p.
- Lange 1707 — Lange J. *Verbesserte und erleichterte lateinische Grammatica*. Berlin: Verlag des Wäysen-Hauses zu Halle, 1707. 432 S.
- Ludolf 1696 — Ludolf H. W. *Grammatica Russica quae continet non tantum praecipua fundamenta Russicae linguae, verum etiam Manuductionem quandam ad Grammaticam Slavonicam*. Oxonii [Oxford]: [-], 1696. 97 p.
- Paus 2016 — Paus I. W. *Anweisung zur Erlernung der Slavonisch-Rußischen Sprachen. Transkript des Autographs der Akademiebibliothek*. St. Petersburg, Handschriftenabteilung, Signatur Q 192/1. Bearbeitet von A. Huterer. Schlußredaktion von H. Keipert mit computertechnischer Unterstützung durch D. Bunčić. Bonn: [-], 2016. 512 S.
- Rhenius 1690 — M. *Johannis Rhenii Donatus latino germanicus, Seu Ratio Declinandi & Conjugandi, cum sententiis sacris: Addito necessario quodam supplemento absque caeterorum mutatione aut variatione*. S. l., s. n., 1690. 268 S.
- Schwanwitz 1730 — *Die Teutsche Grammatica. Aus unterschiedenen Auctoribus zusammen getragen und Der Russischen Jugend zum Besten herausgegeben von dem Informatore der Teutschen Sprache bey dem St. Petersburgischen Gymnasio*. St. Petersburg: Gedr. in der Kayserl. Acad. der Wissenschaften Buchdruckerey, 1730. 413 S.

Литература

- Будилович 1869 — Будилович А. С. *М. В. Ломоносов как натуралист и филолог*. СПб.: печатня В. Голвина, 1869. 72 с.
- Булич 1904 — Булич С. К. *Очерк истории языкознания в России*. Т. 1 (XVIII в. — 1825 г.). СПб.: Тип. М. Меркушева, 1904. 1248 с.
- Дюбо 2001 — Дюбо Б. А. *Рационализм и эмпиризм в немецких грамматических трудах XVI–XVIII вв.* СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2001. 405 с.
- Живов 1992 — Живов В. М. Из истории русской грамматики: итеративы и имперфективы в структуре глагольной парадигмы. В кн.: *Доломоносовский период русского литературного языка (The Pre-Lomonosov period of the Russian literary language)*. *Slavica Suecana, Series B — Studies*. Vol. 1. Sjöberg A., Āurovič L., Birgegård U. (eds). Uppsala, 1992. P. 247–270.
- Живов 1996 — Живов В. М. *Язык и культура в России XVIII века*. М.: Языки русской культуры, 1996. 590 с.
- Живов 2004 — Живов В. М. [Рец. на:] *Compendium grammaticae Russicae (1731)*. Die erste Akademie-Grammatik der russischen Sprache. *Вопросы языкознания*. 2004, (1): 145–150.
- Живов 2017 — Живов В. М. *История языка русской письменности*. Т. 12. М.: Русский фонд содействия образованию и науки, 2017. 1285 с.
- Живов, Кайперт 1996 — Живов В. М., Кайперт Г. О месте грамматики И. В. Пауса в развитии русской грамматической традиции: интерпретация отношений русского и церковно-славянского. *Вопросы языкознания*. 1996, (6): 3–30.
- Карева 2014 — Карева Н. В. В. Е. Адогуров и формирование грамматической традиции в России первой половины XVIII века. В кн.: *Василий Евдокимович Адогуров. «Anfangs-Gründe der Russischen Sprache» или «Первые основания русского языка»*. Филиппов К. А., Волков С. С. (отв. ред.). СПб.: Наука, Нестор-История, 2014. С. 30–36.
- Кирикова, Костина 2018 — Кирикова О. А., Костина Т. В. Учебные книги в гимназии Академии наук 1730-х гг. *Детские чтения*. 2018, (1): 195–220.
- Копелевич 1990 — Копелевич Ю. Х. Отчет Адогурова о его работе в Академии наук (1737). *Вопросы истории естествознания и техники*. 1990, (1): 90–93.
- Костин 2016 — Костин А. А. Акрбия и амелейя, или Где быть доброй земле? (грамматика В. Е. Адогурова в контексте и без). *Slověne*. 2016, (1): 263–299.
- Кузнецов 1958 — Кузнецов П. С. *У истоков русской грамматической мысли*. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. 76 с.
- Макеева 1961 — Макеева В. Н. *История создания «Российской грамматики» М. В. Ломоносова: К 250-летию со дня рождения М. В. Ломоносова*. 1711–1961. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. 173 с.

- Успенский 1975 — Успенский Б. А. *Первая русская грамматика на родном языке: Доломоновский период отечественной русистики*. М.: Наука, 1975. 232 с.
- Baumann 1964 — Baumann H. Die erste in deutscher Sprache gedruckt Russisch-grammatik. In: *Beiträge zur Geschichte der Slawistik*. Berlin: Akademie-Verlag, 1964. S. 182–191.
- Baumann 1973 — Baumann H. V. E. Adodurovs Bedeutung für Entwicklung der russischen Literatursprache. *Zeitschrift für Slawistik*. 1973, (18): 646–652.
- Daiber 1992 — Daiber Th. *Die Darstellung des Zeitworts in ostslawischen Grammatiken von den Anfängen bis zum ausgehenden 18. Jahrhundert*. (Monumenta Linguae Slavicae Dialecti Veteris, T. XXXII). Freiburg im Breisgau: U. W. Weiher, 1992. 190 S.
- Keipert 1983 — Keipert H. Die Petersburger „Teutsche Grammatica“ und die Anfänge der Russistik in Rußland. In: Freidhof G. Kosta P., Schüttrumpf M. (Hrsg.). *Lomonosov und grammatische Beschreibung im 18. Jahrhundert* (= Studia Slavica in honorem viri doctissimi Olexa Horbatsch: Festgabe zum 65. Geburtstag, 3). München, 1983. S. 77–140.
- Keipert 1986 — Keipert H. Adodurovs „Anfangs-Gründe der russischen Sprache“ und der Petersburger Lateinunterricht um 1730. In: *Studia slavica mediaevalia et humanistica Riccardo Picchio dicata M. Colucci, G. Dell'Agata, H. Goldblatt curantibus*. 11. Rome, 1986. P. 393–408.
- Keipert 1992 — Keipert H. Русская грамматика М. Шванвица (1731) (предварительные замечания о рукописи БАН F.N. 250). В кн.: *Доломоновский период русского литературного языка (The Pre-Lomonosov period of the Russian literary language)*. *Slavica Suecana, Series B — Studies*. Vol. 1). Sjöberg A., Āurovič L., Birgegård U. (eds). Uppsala, 1992. P. 213–237.
- Keipert 1994 — Keipert H. Vasily Lebedev und sein *Sokraščenie grammatiki latinskoj* (St. Petersburg 1746). In: *Res Slavica: Festschrift für Hans Rothe zum 65. Geburtstag*. Paderborn: Schöningh Publ., 1994. S. 117–133.
- Rönkä 2005 — Rönkä R. *У истоков русской и славянской аспектологической мысли: описание темпорально-аспектуальных систем от первых трактатов до Николая Греча и Александра Востокова*. Диссертация. Tampere, 2005. 586 s.
- Unbegaun 1958 — Unbegaun B. O. Russian Grammars before Lomonosov. *Oxford Slavonic Papers*. 1958, (8): 98–116.
- Winter 1958 — Winter E. Ein Bericht von Johann Werner Paus aus dem Jahre 1732. *Zeitschrift für Slawistik*. 1958, III (5): 744–770.

Статья поступила в редакцию 24 августа 2020 г.

Статья рекомендована в печать 14 мая 2021 г.

Sergei V. Vlasov

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia
s.vlasov@spbu.ru

Leonid V. Moskovkin

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia
l.moskovkin@spbu.ru

Categories of the name and the verb in *Anfangs-Gründe der Russischen Sprache* (1731)

For citation: Vlasov S. V., Moskovkin L. V. Categories of the name and the verb in *Anfangs-Gründe der Russischen Sprache* (1731). *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2021, 18 (3): 528–545. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2021.307> (In Russian)

The relevance of this study is due to the importance of Vasilij Adodurov's *Anfangs-Gründe der Russischen Sprache* as the first academic grammar of the Russian language written by a

Russian scholar and published in Russia. The aim of the article is to show the innovations of Adodurov's grammatical views and the relation of his grammar with Western European and Slavic grammatical traditions in the conceptual presentation of the name and the verb. The material of the research is the Russian grammar of Adodurov in comparison with the grammars by H. W. Ludolph, I. W. Paus, the Slavonic grammar by M. Smotrisky, the Latin grammars by I. Rhenius, E. Kopijewitz, I. Lange, "Grammatica Marchica", and the German grammar by M. Schwanwitz. The descriptive and comparative research methods are used. A particularity of the research approach is the comparison of *Anfangs-Gründe* not only with the Russian, Slavonic and German grammars, but also with the Latin grammars. The results of the study show the innovations of Adodurov in the interpretation of the gender of names, voices of the Russian verb, and the forms of the future and the past tense. He simplifies the noun and verb description scheme taking into account specific features of the Russian language and methodological considerations. The article also proposes a new version of the collaboration between Adodurov and the anonymous German-speaking author of the comments in the margins of the manuscript *Compendium Grammaticae Russicae*, explaining Adodurov's use of these comments in *Anfangs-Gründe*.

Keywords: history of linguistics, Vasilij Adodurov, *Anfangs-Gründe der Russischen Sprache*, grammatical categories, pre-Lomonosov grammars of the Russian language.

References

- Будилович 1869 — Budilovich A. S. *M. V. Lomonosov as a naturalist and a philologist*. St. Petersburg: Pechatnia V. Golovina Publ., 1869. 72 p. (In Russian)
- Булич 1904 — Bulich S. K. *Essay on the history of linguistics in Russia*. Vol. 1 (XVIII v. — 1825 g.). St. Petersburg: Tipografia M. Merkusheva Publ., 1904. 1248 p. (In Russian)
- Дюбо 2001 — Diubo B. A. *Rationalism and empiricism in the German grammatical works of 16–17th cent.* St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2001. 405 p. (In Russian)
- ЖИВОВ 1992 — Zhivov V. M. From the history of Russian grammar: iteratives and imperfectives in the structure of verbal paradigms. In: *Dolomonosovskii period russkogo literaturnogo iazyka (The Pre-Lomonosov period of the Russian literary language)*. Slavica Suecana, Series B — Studies. Vol. 1. Sjöberg A., Āurovič L., Birgegård U. (eds). Uppsala, 1992. P. 247–270. (In Russian)
- ЖИВОВ 1996 — Zhivov V. M. *Language and Culture in Russia of 18th century*. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury Publ., 1996. 590 p. (In Russian)
- ЖИВОВ 2004 — Zhivov V. M. [Review of:] *Compendium grammaticae Russicae (1731)*. Die erste Akademie-Grammatik der russischen Sprache. *Voprosy iazykoznaniiia*. 2004, (1): 145–150. (In Russian)
- ЖИВОВ 2017 — Zhivov V. M. *History of the language of Russian writing*. Vol. 1–2. Moscow: Russkii fond soдействия obrazovaniiu i nauke Publ., 2017. 1285 p. (In Russian)
- ЖИВОВ, Кайперт 1996 — Zhivov V. M., Kajpert G. On the place of I. V. Paus grammar in the development of the Russian grammatical tradition: interpretation of the relationship between Russian and Church Slavonic. *Voprosy iazykoznaniiia*. 1996 (6): 3–30. (In Russian)
- Карева 2014 — Kareva N. V. V. E. Adodurov and the formation of grammatical tradition in Russia on the 1st half of the 18th century. In: *Vasilii Evdokimovich Adodurov. "Anfangs-Gründe der Russischen Sprache", ili "Pervye osnovaniia rossiiskogo iazyka"*. Filippov K. A., Volkov S. S. (eds). St. Petersburg: Nauka Publ., Nestor-Istoriia Publ., 2014. P. 30–36. (In Russian)
- Кирикова, Костина 2018 — Kirikova O. A., Kostina T. V. School books at the gymnasium of the Academy of Sciences of the 1730s. *Detskie chteniia*. 2018, (1): 195–220. (In Russian)
- Копелевич 1990 — Kopelevich Iu. H. Adodurov's report on his work at the Academy of Sciences (1737). *Voprosy istorii estestvoznaniia i tekhniki*. 1990, (1): 90–93. (In Russian)
- Костин 2016 — Kostin A. A. Acribia and Ameleia: The Context (or Lack Thereof) for Vasily Adodurov's Grammar. *Slověne*. 2016, (1): 263–299. (In Russian)
- Кузнецов 1958 — Kuznetsov P. S. *At the origins of Ruissian grammatical thought*. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR Publ., 1958. 76 p. (In Russian)

- Макеева 1961 — Makeeva V.N. *The history of the creation of "Russian grammar" by M. V. Lomonosov: to the 250th anniversary of M. V. Lomonosov. 1711–1961*. Moscow-Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1961. 173 p. (In Russian)
- Успенский 1975 — Uspenskii B. A. *The first Russian grammar on the native language: pre-Lomonosov's period of Russian studies*. Moscow: Nauka Publ., 1975. 232 p. (In Russian)
- Baumann 1964 — Baumann H. Die erste in deutscher Sprache gedruckte Russisch-grammatik. In: *Beiträge zur Geschichte der Slawistik*. Berlin: Akademie-Verlag, 1964. P. 182–191.
- Baumann 1973 — Baumann H. V. E. Adodurovs Bedeutung für Entwicklung der russischen Literatursprache. *Zeitschrift für Slawistik*. 1973, (18): 646–652.
- Daiber 1992 — Daiber Th. *Die Darstellung des Zeitworts in ostslavischen Grammatiken von den Anfängen bis zum ausgehenden 18. Jahrhundert*. (Monumenta Linguae Slavicae Dialecti Veteris, T. XXXII). Freiburg im Breisgau: U. W. Weiher, 1992. 190 p.
- Keipert 1983 — Keipert H. Die Petersburger „Teutsche Grammatica“ und die Anfänge der Russistik in Rußland. In: Freidhof G., Kosta P., Schütrumpf M. (Hrsg.). *Lomonosov und grammatische Beschreibung im 18. Jahrhundert* (= Studia Slavica in honorem viri doctissimi Olexa Horbatsch: Festgabe zum 65. Geburtstag, 3). München, 1983. P. 77–140.
- Keipert 1986 — Keipert H. Adodurovs „Anfangs-Gründe der russischen Sprache“ und der Petersburger Lateinunterricht um 1730. In: *Studia slavica mediaevalia et humanistica Riccardo Picchio dicata M. Colucci, G. Dell'Agata, H. Goldblatt curantibus*. 11. Roma, 1986. Rome, 1986. P. 393–408.
- Keipert 1992 — Keipert H. Russian grammar of M. Schwanwitz (1731). (Preliminary remarks on the manuscript BAN F.N. 250). In: *Dolomonosovskii period russkogo literaturnogo iazyka (The Pre-Lomonosov period of the Russian literary language)*. *Slavica Suecana, Series B — Studies*. Vol. 1. Sjöberg A., Đurovič L., Birgegård U. (eds). Uppsala, 1992. P. 213–237. (In Russian)
- Keipert 1994 — Keipert H. Vasily Lebedev und sein Sokraščenie grammatiki latinskoi (St. Petersburg 1746). In: *Res Slavica: Festschrift für Hans Rothe zum 65. Geburtstag*. Paderborn: Schöningh Publ., 1994. P. 117–133.
- Rönkä 2005 — Rönkä R. *At the origins of Russian and Slavic aspectological thought: description of temporal-aspectual systems from the first treatises to Nikolai Grech and Alexander Vostokov*. Thesis. Tampere: Tampere university press, 2005. 586 p.
- Unbegaun 1958 — Unbegaun B. O. Russian Grammars before Lomonosov. *Oxford Slavonic Papers*. 1958, (8): 98–116.
- Winter 1958 — Winter E. Ein Bericht von Johann Werner Paus aus dem Jahre 1732. *Zeitschrift für Slawistik*. 1958, III (5): 744–770.

Received: August 24, 2020

Accepted: May 14, 2021